

Однако внутренняя порядочность, прямота не давали возможности для благополучной карьеры, попытки добиться справедливости, улучшить положение белорусского народа. Это привело его уходу в отставку.

В заключение отметим, что как государственная, общественная, литературная, так и частная жизнь Г.Р. Державина явились свидетельством проявления глубоких христианских черт характера этого удивительного человека, который «не принес ни злата, серебра... а жил для общего добра», воплощая в себе лучшие качества истинного патриота своего Отечества. Нельзя не согласиться с его строками из стихотворения:

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид.
Я любил честосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человеческое
Были гением моим. ...

[Сочинения Державина 1869, 2: 15]

Литература

Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям, письмам и по историческим документам / Я.К.Грот. – СПб.: Издание Императорской АН, 1880.

Капнист В.В. Сочинения: в 2 т. / В.В.Капнист. – Т.2: Переводы. Статьи. Письма / Под ред. В.С.Бабкина. – М.-Л.: АН СССР, 1960.

Мицкевич А. Собр.соч.: в 5 т. / А.Мицкевич. – Т.4 / Под ред. М.Рыльского, М.С.Живова. – М.: ГИХЛ, 1954

Сочинения Державина в объяснительными примечаниями Я.К. Грота. – Т.2: Стихотворения. – СПб.: Издание Императорской Академии Наук, 1869

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. – Т.5. Переписка С – П. – СПб.: Издание Императорской Академии Наук, 1869

**Строка «...Чудище обло, озорно...» («Тилемахида»)
как «визитная карточка» поэтического стиля В.К. Третьяковского**

С.А. Васильев

ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»,

Институт гуманитарных наук

(Москва)

Ключевые слова: поэтический стиль, слог, «визитная карточка», «мнимые не-правильности», художественное содержание

Теория художественного стиля, фиксирующая, его телеологию [Сакулин 1990: 140], предполагает значимость, функциональность каждого компонента, признака стиля, вплоть до нюансов художественно-речевой образности. А.Н. Веселовский, как известно, отмечал, что «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании» [Веселовский 2006: 509]. Ю.И. и И.Г. Минераловы в применении к В.В. Маяковскому воспользовались выражением «визитная карточка» стиля писателя, понимая под этим наиболее характерный и в свернутом виде представляющий писательскую индивидуальность художественно-речевой образ, «неологизмы на приставки “вы-” и “из-/ис-” (“выкипячивают”, “испешеходили”, “изъязвили” и т.п.)» [Минералов, Минералова 2007: 215]. Подробный филологический анализ одной из наиболее ярких и известных строк Г.Р. Державина «Я царь – я раб – я червь – я бог!» – своеобразной «визитной карточки» стиля поэта – дал Ю.И. Минералов [Минералов 2003: 162–164]. Выражение «визитная карточка» регулярно встречается в филологических исследованиях [Пашкуров, Разживин 2011, II: 217].

Строка из поэмы В.К. Тредиаковского «Тилемахида» – «...Чудище обло, озорно, огромно, с трезевой и-Лаей...» [Тредиаковский 1766, II: 104] принадлежит к такого рода узнаваемым и характерным строкам, емко и компактно отразившим творческую индивидуальность, авторскую манеру письма, особенности формирования поэтического содержания произведения. Об этом свидетельствует выбор А.Н. Радищевым этой строки в качестве эпитафии к своему «Путешествию из Петербурга в Москву», что в значительной степени и обусловило известность данного, весьма выразительного и самого по себе, художественно-речевого образа. Именно по этой строке подчас поэзию Тредиаковского и представляют, нередко, вульгаризируя ее смысл и личность автора, что обоснованно иронически подмечено современным журналистом: «”Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лай” – так мы представляем себе поэзию Василия Тредиаковского. И видим его самого, ползущего на коленях к трону Анны Иоанновны, чтобы прочитать очередное стихотворение “на случай” охоты, бала или иного придворного увеселения и получить “высочайшую оплеуху”» [Демкина 2003]. Подчеркнем, это ирония, и автор развивает иное, положительное и фактически обоснованное представление о писателе.

Как замечено, Радищев несколько трансформировал образ предшественника: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лай». Я.Л. Барсков отмечал: «Радищев не совсем точно цитирует этот стих. Смысл характеристики чудища, поскольку он использован в качестве эпитафии к „Путешествию“, конечно, в намеке на „чудище“ самодержавно-крепостнического строя России времен Радищева; отметим, что в рукописной редакции „Путешествия“ в главе „Тверь“, где Радищев защищал Тредиаковского от нападок, сделавшихся привычными, он писал: „«Чудище обло, огромно,

стризевно и лаяя» – не столь дурной стих“ (см. «Варианты»)» [Барсков 1938: 479]. Радищев в «Путешествии...» прибегнул к гиперболе: вместо точного «с тризевной» (три головы Цербера) – «стозевно».

Анализируемая строка действительно характерна для Третьяковского. В «Гилемахиде» подобного рода концентрация эпитетов – амплификация встречается весьма часто. Например, содержательно и композиционно близкий отмеченному стих, приведенный как не подходящий для поэмы в «Памятнике дактилохореическому витязю» (где, кстати, строка «Чудище обло...» приводится вполне точно) того же Радищева [Радищев 1941, II: 217]: «Там нанизу при Престоле стояла Смерть цветобледна, / Дивище мѡзгло, мосли'сто, и-глу'хо, и-нѣмо, и-слѣпо; <...>» (выделено нами. – С.В.) [Третьяковский 2008: 509]. Определяющий цветовой эпитет-неологизм *цветобледна* далее, как и в случае с описанием Цербера («преужасный»), как бы раскрывается и уточняется. Очень близки и опорные существительные: *чудище* – *дивище* (чудо и диво – в ряде контекстов выступают как синонимы). Некоторая динамика, эмоциональное усиление придается образу за счет полисиндетона, который появляется лишь перед 3-м эпитетом. Строка «Дивище...», как и в случае с «Чудище...», имеет продолжение, картина, содержательно концентрируясь через амплификацию, разворачивается далее.

Однако строка «...Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и-Лáей...» грамматически строится богаче и интереснее внешне аналогичной вышеприведенной. Перечень эпитетов – «обло, озорно, огромно» – тоже создает эффект амплификации, особенно на фоне других, весьма многочисленных, подобных фактов. Не случайно Радищев по своему усмотрению продолжил этот ряд еще на одно слово: вместо *с тризевной* (существительное), написал – *стозевно* (краткое прилагательное). Однако смещение грамматической однородности налицо уже здесь, т.к. появляется несогласованное определение, выраженное существительным – «с тризевной». Строку «венчает» присоединительная конструкция с союзом *и* – «и-Лáей...» (в оригинале – с заглавной буквы), что для Третьяковского, на первый взгляд, вполне привычно (ср: «и-нѣмо, и-слѣпо» и др.). А.С. Орлов пояснял образ «с тризевной и-Лáей...» как «с тризевной пастью» [Орлов 1935: 37], видя в «лаей» – «лаю» (существительное, «пасть»), а союз *и* трактуя как фонетическую прокладку для сохранения стихотворного метра. По-видимому, вслед за ним «Словарь русского языка XVIII века» дает статью «ЛÁЯ², и, ж. (Един.) Пасть» [Словарь 2000: 11, 128]. Однако для иллюстрации приведен все тот единственный пример из поэмы Третьяковского и параллель: «– Слав. Пол. □аја», которая не может быть убедительной, т.к. □аја и в данном случае не существительное, а форма глагола ѡајат'. Ни в каких других словарях (см. напр.: [Словарь 1981: XI, 181–182; Словарь 1991: IV, 393–393]), включая этимологический [Фасмер 2004, II: 468–469], слова *лая* в значении «пасть» не обнаруживается. Принять его за авторский

окказионализм тоже нет никаких оснований. Что касается «фонетической прокладки» *и*, то подчеркнем, что Тредиаковский часто и сознательно вводил в строки гекзаметра хореические стопы, в ряде случаев специально оговаривая их примечаниями.

Новое изменение грамматики присоединяемого в сочинительной амплификации слова, очевидно, краткого причастия, – характерная «мнимая неправильность» [Минералов 2003: 47–56] поэтического слога писателя, проявление его авторского стиля и одного из средств обогащения его поэтической семантики. Аналогия находится в той же «Тилемахида», на соседних страницах: «Лепотен был я, Щедр, Справедлив, *и Милуяй* Прочих» (Выделено нами. – С.В.) [Тредиаковский 2008: 511]. Да и Радищев, относясь критически к некоторым граням поэтического синтаксиса Тредиаковского, в своем варианте известной строки не мог ведь «неправильность» усилить и довести до действительного абсурда, понимать «стозевно и лаяй» как «стозевно» и «пастью»?

Литература

Барсков Я.Л. Примечания / Я.Л.Барсков // Радищев Н.А. Полн.собр.соч.: в 3 т. – Т.1. – М.–Л.: АН СССР, 1938.

Веселовский А.Н. Из истории эпитета / А.Н.Веселовский // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 2006. Вильк Е. А. [«Чудище стозевно» и Тифон](#) / Е.А.Вильк // Новое литературное обозрение. – 2002. – №55.

Демкина Н. Дактилохореический витязь / Н.Демкина // Невское время. – 2003. – 11 марта // http://www.nvspb.ru/stories/daktilohoreicheskiy_vityazmz

Костин А.А. «Чудище обло» и «monstrum horrendum». Вергилий – Тредиаковский – Радищев / А.А.Костин // [В.К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения. - СПб., 2004. - С.135–147.](#)

Минералов Ю.И. История русской словесности XVIII века / Ю.И.Минералов. – М., 2003.

Минералов Ю.И., Минералова И.Г. История русской литературы XX века. 1900–1920-е годы / Ю.И.Минералов, И.Г.Минералова. – М., 2004.

Орлов А.С. «Тилемахида» В.К. Тредиаковского / А.С.Орлов // XVIII век. – Вып.1. – М.–Л., 1935.

Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: в 2 ч. / А.Н.Пашкуров, А.И.Разживин. – Ч.2. – Елабуга, 2011.

Радищев А.Н. Полн.собр.соч.: в 3 т. / А.Н.Радищев. – М.–Л., 1938–1954.

Сакулин П.Н. Теория литературных стилей / П.Н.Сакулин // Сакулин П.Н. Филология и культурология. – М., 1990.

Словарь русского языка XI – XIV веков. – Том 4. – М., 1991.

Словарь русского языка XI – XVII веков. – Выпуск 8. – М., 1981.

Словарь русского языка XVIII века. – Выпуск 11. – М., 2000.

Тредиаковский В.К. Лирика, «Тилемахида» и другие сочинения / В.К.Тредиаковский. – Астрахань, 2008.

Тредиаковский В.К. Тилемахида, или Странствования Тилемаха, сына Одиссея: в 2 т. / В.К.Тредиаковский. – СПб., 1766.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М.Фасмер. – М., 2004.

Племянницы Державина на Тамбовской земле

Л.Е.Городнова

Тамбовский областной краеведческий музей
(Тамбов)

Ключевые слова: Капнист, Львов, Державин, Чичерин, Караул, Воейков, Ольшанка, Прозоровский-Голицын, Зубриловка

Оставив тамбовское наместничество, Гаврила Романович Державин и духом, и родственными корнями остался связан с Тамбовом. Внуки ближайших друзей поэта – Капниста и Львова, племянницы по линии второй жены Дарьи Алексеевны Дьяковой, проживали и последний приют обрели на тамбовской земле.

Известно, что Василий Васильевич Капнист познакомился и сблизился с Николаем Александровичем Львовым в 1771 году во время службы в лейб-гвардии Измайловском полку. Через год, в 1772 году, Капнист перешел из Измайловского в Преображенский полк, в котором служил Державин. В 1770-е годы Львов, Державин и Капнист входили в состав литературного кружка, просуществовавшего до 1800 года. Впоследствии они еще и породнились, женившись на трех сестрах Дьяковых.

Жена Капниста, Александра Алексеевна получила образование в Смольном институте благородных девиц. После женитьбы Василий Васильевич вышел в отставку и возвратился с женой к матери в Обуховку, находившейся в совместном владении его и брата Петра Васильевича. Мать Василия Васильевича «...приняла очень холодно третью невестку... полюбила ее только тогда, когда, оставшись одна в деревне и будучи разбита параличом, жила, можно сказать, только заботами и неусыпным попечением матери моей, которая ни на минуту не оставляла ее до смерти...» [Капнист-Скалон 1990:287]. В этом браке были рождены две дочери – Екатерина, Софья и четыре сына – Семен, Владимир, Иван, Алексей.